

Секция IV

**САМООПРЕДЕЛЕНИЕ
НА ФОНЕ ОБРАЗА «ДРУГОГО»**

Лаури Манчестер

**НОСИТЕЛИ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ТРАДИЦИЙ СТАНОВЯТСЯ СОВЕТСКИМИ
ГРАЖДАНАМИ: ВОЗВРАЩЕНИЕ РУССКИХ ИЗ КИТАЯ В СССР**

Между 1935 и 1960 гг. десятки тысяч этнических русских добровольно репатрировались в Советский Союз. Эти люди составляют крупнейшую группу русских, родившихся за границей, которые вернулись на историческую родину. Всего были три волны добровольных репатриаций: 21 343 человека в 1935 г.; 6027 — в 1947–1948 гг. и от 190 до 200 тыс. в 1954–1960 гг., из которых половина этническими русскими не являлись. Первую волну составили советские граждане, лишившиеся работы на КВЖД после продажи этой железной дороги Японии. Большинство из тех, кто вернулся в 1935 г., были арестованы в течение нескольких лет и расстреляны; некоторые из их жен также подверглись арестам, но расстреляли немногих¹. Вторая волна состояла в основном из «белых» русских, проживавших в Шанхае и Тяньцзине. Как и в случае с первой волной, большинство из них было арестовано в течение нескольких лет после репатриации, однако общее количество арестованных оказалось меньше, чем в 1935 г. Некоторых из них расстреляли. Третья и самая большая волна репатриантов не подвергалась всё же коллективному преследованию. Большинство было репатрировано в 1954–1956 гг. Они начали свою новую жизнь либо на целине, либо в совхозах Урала, Сибири или Казахстана. В основном

¹ *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. С. 179, 223; *Аблажей Н.Н., Адамс Б.* Репатрианты из Китая в СССР: Проблемы интеграции в советское общество (1934–1960-е гг.) // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии: Сб. научных трудов. Новосибирск, 2003. С. 201. Не все советские граждане в Харбине были коммунистами. Многие белые русские, чтобы сохранить работу на КВЖД в 1924 г., приняли советское гражданство.

они приехали из Маньчжурии и Северного Китая, где в большинстве своем они и родились¹.

Русское население Китая значительно отличалось от других групп в составе первой волны эмиграции. Формально не являясь частью Российской империи, Харбин имел определенное сходство с другими бывшими частями Российской империи не под контролем большевиков. Подобно им, Харбин кичился большим количеством российских старожилов (в 1913 г. их было около 45 тыс.) и русской инфраструктурой, включавшей школы и православные церкви². Но в отличие от бывших частей Российской империи русские оставались здесь частью правящего класса фактически до японской оккупации. Тогда как русские, проживавшие в бывших частях империи, испытывали растущую дискриминацию, русские культурные и образовательные институты Харбина, основанные на дореволюционных планах, процветали. И Харбин был единственным местом в мире, где белые русские и советские граждане в большом количестве жили в одном и том же городе. Русское население Харбина в начале 1920-х гг. доходило до 200 тыс. человек, и старожилы заключали браки с «белыми» русскими. Помимо Харбина десятки тысяч русских крестьян жили в сельской местности, прежде всего вдоль советской границы. Русские казаки начали селиться здесь в 1890-х гг.; русские крестьяне бежали сюда вплоть до начала 1930-х гг. Русское население в Кульдже в 1930-х гг. составляло больше десятка тысяч, а в Шанхае в середине 1930-х гг. — приблизительно 25 тыс. человек. Несколько тысяч русских проживало и в других больших китайских городах. В отличие от первой волны русской эмиграции в Европе русские эмигранты в Китае отличались более консервативной политической ориентацией. Социалистов среди них было немного.

XX в. стал свидетелем нескольких крупных этнических миграций — репатриаций тех родившихся за границей, кто возвращался на историческую родину в связи с деколонизацией. Такие миграции обычно были мучительны в силу трудностей, вызванных культурными различиями, дававшими о себе знать, когда ранее единый народ оказался разьединенным на несколько поколений³. В демократических странах свобода прессы гарантировала вернувшимся этническим мигрантам возможность заявлять о своем положении. После Второй мировой войны, например, этнические мигранты из бывших японских колоний публиковали справочники по взаимопомощи и создавали гражданские институты. Некоторые из тех, кто вернулся на родину ребенком, стали в Японии наиболее проникательными интеллектуальными критиками благодаря своему уникальному опыту, с одной стороны, чужаков, а с другой — членов японского социума.

¹ С 7 апреля до 30 июня 1955 г. в СССР въехали 20 736 человек. Из них 12 840 были 35 лет и младше (РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 7. Д. 369. Л. 28). Среди этих репатриантов были и старожилы; некоторые из тех, кому было более 35 лет, родились в Маньчжурии. Большинство тех, кто стал репатриантом в 1954–1956 гг., были этническими русскими.

² О переписи 1913 г. в Харбине см.: *Bakich O. Émigré Identity: The Case of Harbin // Harbin and Manchuria / Th. Lahusen. ed. // Special issue of The South Atlantic Quarterly. 2000. Vol. 99. N 1. Winter. P.53.*

³ *Takeyuki Ts. Introduction: Diasporic Return and Migration Studies // Diasporic Homecomings: Ethnic Return Migration in Comparative Perspective / Takeyuki Ts., ed. Stanford, 2009. P. 7, 11.*

Правительства также активно действовали через медиакампании, чтобы нивелировать негативные стереотипы в отношении этнических мигрантов, как это делало французское правительство в 1962 г. в связи с массовой репатриацией «черноногих» из Алжира¹.

При коммунизме русским репатриантам из Китая не позволяли публично обсуждать свой жизненный опыт. Их бытие как до, так и после репатриации также не было частью официального советского дискурса. Только два рассказа, в которых негативно изображалось большинство харбинцев, появились в печати во время «оттепели»². Иные упоминания о русских в Китае встречаются в советской приключенческой литературе, когда речь идет о белобандитах. Репатриантами, впрочем, была создана в советский период неформальная сеть. Многие из заключенных ГУЛАГа вспоминали встречи с товарищами-харбинцами, и некоторые выжили в ГУЛАГе только благодаря их помощи³. Другие харбинцы устраивали на дому встречи и посещали своих друзей из Китая, несмотря на то что жили в разных частях Советского Союза. Они помогали друг другу в получении жилья, устройстве на работу; в некоторых случаях даже вступали в брак друг с другом⁴. На один день рождения харбинцы со всей страны съехались в Свердловск к удивлению их любимой учительницы из Харбина. В качестве подарка они привезли ей телевизор⁵. Самиздатовские копии воспоминаний земляков циркулировали по крайней мере в нескольких кругах репатриантов⁶.

Репатрианты добивались большего. Они хотели разорвать официальное молчание и очистить свою репутацию. В связи с падением Советского Союза они попытались добиться именно этого. Они создали ассоциации в основных городах Урала и Сибири, где проживали их большие группы, и стали издавать периодические издания (бюллетени), на страницах которых публиковались их воспоминания⁷. Миссия этих изданий заключалась как в исполнении дидактической функции через публикацию правды о своей жизни для тех, кто ее не знал,

¹ *Watt L.* When Empire Comes Home: Repatriation and Reintegration in Postwar Japan. Cambridge, MA, 2009. P. 9–10; *Shepard T.* The Invention of Decolonization: The Algerian War and the Remaking of France. Ithaca, 2006.

² *Bakich O.* Op. cit. P. 58, 68–69, 72–73.

³ В качестве примера можно указать на издания: *Ковальчук-Коваль И.К.* Свидание с памятью (воспоминания). М., 1996. С. 297–298, 300, 313; *Левина А.* «Без права переписки...» // Колючая правда: документальные рассказы, очерки и воспоминания о судьбах дальневосточников в 30–40-е гг. Хабаровск, 1990. С. 17; *Вацура В.А.* Из воспоминаний о Маньчжурии // Русская Атлантида (далее — РА). 2004. 23 октября.

⁴ Навстречу весеннему балу харбинцев в «Модерне» в 2009 г. // На сопках Маньчжурии (далее — НСМ). 2009. № 152. С. 2; Зоя Николаевна Августова // НСМ. 2009. № 156. С. 7; *Григорьева Е.Г.* Взгляд в прошлое // НСМ. 2009. № 158. С. 4.

⁵ Анна Николаевна Кузнецова // Русские в Китае (далее — РвК). 2000. № 20. С. 13.

⁶ *Белокрылов И.* Трагедия отряда // РвК. 1995. № 2. С. 5.

⁷ Их газеты: «На сопках Маньчжурии» (Новосибирск, с 1993 г.); «Русские в Китае» (Екатеринбург, с 1994 г.); «Русская Атлантида» (Челябинск, с 1998 г.). Избранные места из «Русской Атлантиды», использованные для данной статьи, были найдены на ныне несуществующем сайте: www.rusharbin.com. Многие из предков репатриантов жили в этих городах до 1917 г.

так и в упрочении их коллективной идентичности. Как заявлял в 2008 г. один из редакторов таких газет, они ощущают себя и как не поддающиеся уничтожению индивидуумы, и как уникальный коллектив, сыгравший ключевую роль в сохранении прошлого предреволюционной России в Советском Союзе: «...судьба каждого человека неповторима, и у всех приехавших было много своих индивидуальных проблем, но всё же факты говорят о том, что есть и общие черты, основные тенденции в этих судьбах. В своей совокупности они дают возможность представить „коллективный портрет“ тех, кто принес на свою историческую родину плоды полученного за рубежом образования, свой практический и духовный опыт — всё то, что дало нам старшее поколение там — в Харбине»¹.

На основе ретроспективных автобиографий, опубликованных в этих газетах, устных историй и мемуаров я постараюсь показать, что самосознание добровольных репатриантов, родившихся в Китае, формировалось в оппозиции к русским, прожившим всю жизнь в пределах СССР (включая тех, кто родился в России, но никогда не эмигрировал), однако в силу ряда причин это не вызывало полного отчуждения между ними.

Вопрос о том, почему они решили переехать в Советский Союз, затрагивался большинством мемуаристов. Как и в случае с возвращением крымских татар, решение вернуться в основном принималось более молодым поколением родившихся в Китае². Их родители, нередко пережившие революцию и Гражданскую войну, шли на это, в основном чтобы сохранить семью. Различные политические и международные факторы, такие как вера в коммунистическую идею или страх перед китайским национализмом или гражданской войной, упоминались редко. Напротив, представители как второй, так и третьей волны репатриантов обычно приводили комбинацию факторов, включая вызванный Второй мировой войной патриотизм (отличный от прежнего эмигрантского национализма, который, по сути, был антисоветским), желание воссоединиться с членами семьи в Советском Союзе и утрату русских высших учебных заведений. Свободное высшее образование в Советском Союзе и *русское* образование в нем были необычайно привлекательны, этого западные страны предложить не могли. Тех, кто был старше, подкупало признание их заграничных дипломов³. Те, кто стал репатриантом сразу после войны, верили, что война сделала СССР более либеральным; для тех, кто репатриировался из Маньчжурии в середине 1950-х гг., стимулами послужили дискриминация русских при приеме на работу (особенно для тех, кто бегло не говорил по-китайски) и смерть Сталина⁴.

¹ Прошло уже более полувека // НСМ. 2008. № 148. С. 1.

² Ряд примеров см.: *Берзин Г.П.* Бухэду — столица Хинганского хребта // РА. 2004. 18 июля; *Бахтина Н.* Юрий Савельев // РвК. 2002. № 32. С. 24. О татарах см.: *Uehling G. L.* Beyond Memory: The Crimean Tatars' Deportation and Return. New York, 2004. P. 9–10.

³ *Мирандов А.И.* Встреча с родиной // НСМ. 2009. № 158. С. 6; *Тайт М.П.* Доктор Голубев с близкого расстояния // РА. 2004, 8 июля; *Никифоров И.* Путь на родину // РвК. 2000. № 21. С. 14; University of Hawaii Hamilton Library, Bruce Friend Adams papers, Box 1 (далее все ссылки на этот архив относятся к материалам, хранящимся в ящике № 1): интервью с Е.Д. Игошиной (июль 1997 г., Пермь).

⁴ Adams papers: интервью с В.В. Бородиным (12 июля 1999 г., Екатеринбург) и с Д.В. Голденбергом (20 июля 1999 г., Новосибирск).

Большинство репатриантов заявляют, что они отнюдь не были в Китае совершенно не осведомленными о политической и экономической ситуации в СССР. Современные источники подтверждают, что репатрианты второй волны, которые были арестованы в конце 1940-х гг., получили от советских представителей в Шанхае заверения, что они арестованы не будут, даже если они сражались на стороне белых¹. Открытие советских клубов в китайских городах («Союза возвращения» в Шанхае в 1937 г. и «Союза советской молодежи» в Харбине в 1949 г.) предшествовало началу массовых репатриаций из каждого города в СССР. С другой стороны, есть немало примеров того, что импульс к возвращению исходил снизу². И сообщения об ужасах советской жизни в эмигрантской прессе в Китае до 1949 г. опровергались советской пропагандой, а слухи ходили безумные³. Советизация русской жизни в Китае после Второй мировой войны, в ходе которой эмигрантские школы в Маньчжурии были трансформированы в 1949 г. в советские школы с учителями из Советского Союза, кажется, размыла многие былые различия между эмигрантами.

Немногие мемуаристы касаются вопроса, почему они не эмигрировали в капиталистические страны, хотя так поступила половина русских в Китае. Некоторые рассказывали, что состоятельные эмигранты, продавшие свою собственность в Китае до 1949 г., эмигрировали в капиталистические страны, намекая на то, что более бедным эмигрантам ничего не оставалось, кроме репатриации⁴. Один заявлял, что те, кто жил в Шанхае, хотели ехать домой в Россию, т. к. они — в отличие от эмигрантов в русифицированном Харбине — уже знали о негативных сторонах жизни «второсортных» европейцев⁵. Харбинец-репатриант объяснял, что эмиграция в капиталистические страны не приветствовалась, т. к. требовала знания иностранного языка⁶. Конечно, легче было стать репатриантом. Советское государство безотказно выдавало паспорта и оплачивало проезд в СССР, позволяло репатриантам брать с собой всё свое имущество и предоставляло 3 тыс. рублей подъемных. Впрочем, около 5 тыс. шанхайцев предпочли жить в неизвестности в лагерях беженцев на Филиппинах в 1948–1951 гг., чем стать репатриантами.

Согласно данным многочисленных исследований, первых репатриантов, прибывших на целину в 1950-е гг., встречали неинформированные местные жители, которые склонны были видеть в своих новых соседях то китайцев (и были очень сконфужены, что их кожа была белой, и более того, они хорошо говорили по-русски), то политических заключенных. Одни отказывались продавать им продукты питания, другие использовали их незнание жизни в России и заламывали

¹ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20807. Л. 181–186.

² Например, нелегальные переходы границы. См.: *Аблажей Н.Н., Адамс Б.* Репатрианты из Китая в СССР... С. 213–214.

³ *Аблажей Н.Н.* С востока на восток... С. 213, 222.

⁴ *Шамигурина И.В.* Валентин Синайский // РА. 2008. 22 ноября; Adams papers: интервью с Л.В. Сидоркиным (июль 1997 г., Екатеринбург).

⁵ *Бахтина Н.* Юрий Савельев // РвК. 2002. № 32. С. 24. О слухах см.: *Аблажей Н.Н.* С востока на восток... С. 221.

⁶ *Краснощевцев Ю.* Реквием разлученным и павшим. Ярославль, 1992. С. 25.

огромные цены. Некоторые называли их «белыми бандитами», «предателями», «паразитами». Высших партийных руководителей очень беспокоило то, что репатрианты оказались в чрезвычайно плохих жизненных условиях: у многих не было жилья, днями — еды. Партия отнеслась к этому делу серьезно, оно было удостоено внимания Хрущева¹. Подобно тому как поступали многие сельские советские жители, репатрианты, только получив паспорта, сразу же уезжали в крупные города.

Несмотря на материальное неблагополучие, репатрианты выдержали: мемуаристы ретроспективно не жалуется на материальные лишения, вынесенные ими после приезда. Интервьюируемые в 1990-х гг. замечали, что условия жизни в Советском Союзе были хуже, чем те, к которым привыкли русские в Китае, но на такие ответы их провоцировало интервью². Как мемуаристы, так и интервьюируемые — вне зависимости от времени своего возвращения — упоминали, что были шокированы тем, насколько плохо были одеты люди в главных городах Советского Союза, и вспоминали, как вглядывались в них и завидовали им, носившим приобретенные в Китае вещи (одежду многие продавали за продовольствие)³. Одна женщина, приехавшая в совхоз в 1954 г., засмеялась, когда в 1994 г. в интервью она рассказывала о модной одежде, которую они привезли с собой, но никогда не носили. Она шила наволочки из платья со шнуровкой, на которое пошла тафта. Она вспомнила, что должна была одеваться подобно другим, но пояснила: «Нам было стыдно, народ был плохо одет, прошло всего восемь лет после войны»⁴.

Коллективную вину репатрианты второй и третьей волны испытывали в отношении того, что уклонились от участия в Великой Отечественной войне, тем самым объясняя, почему они не стремятся подчеркнуть свои первоначальные страдания в СССР. Помимо всего, это была война, которая воспитала патриотизм, который объединил в их умах ими любимую Россию с Советским Союзом, позволил им вернуться на родину. В своих газетах они отдавали дань Великой Отечественной войне и пытались интегрировать ее в свои жизненные нарративы. Такие попытки довольно неуклюжи. Посвященный 50-й годовщине победы выпуск газеты «Русские в Китае» вышел в 1995 г. с датами на первой странице: «1898–1995».

Но это не значит, что мемуаристы и интервьюируемые вообще не жалуется. Они жалуется на пережитый ими культурный шок, отмечают низкий культурный уровень советского населения⁵. Один репатриант написал: он понял сразу

¹ Pohl M. *The Virgin Land Between Memory and Forgetting: People and Transformation in the Soviet Union, 1954–1960*. Ph. d. diss, Indiana University, 1995. P. 269–273; РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 7. Д. 338. Л. 37–39; Д. 372. Л. 42.

² Adams papers: интервью с С.А. Тымашевым (14 июля 1999 г., Екатеринбург) и Е.Д. Игошиной, анкета Г.П. Клепиковой (27 июля 1999 г., Хабаровск).

³ Берковская Е.Н. Судьбы скрещенья. М., 2008. С. 123; Adams papers: Borodin to Adams (16 июля 1999 г.).

⁴ Интервью с Нонной Иннокентьевной Трушчеловой, 3 октября 1996 г., Ахмола. Pohl, 274–277.

⁵ Вторая волна репатриантов выражала то же недовольство после своего приезда. На допросе репатриант Г.А. Сильницкий заявил 30 апреля 1951 г., что он говорил людям:

по прибытии в СССР, что дореволюционные обычаи, ценности и церковность, сохранявшиеся в Харбине, в советской России были вырваны с корнем¹. Даже женщина из семьи атеистов-старожилов, чей отец — крестьянин по происхождению — стал коммунистом и советским гражданином в 1918 г. и искренне ненавидел «белых» русских в ее родном городе Харбине, так описала в 2000 г. свои впечатления о приезде в СССР в 1932 г. в возрасте 15 лет: «Поняла, что незаметно и независимо от меня я впитывала харбинскую культуру, этику, благовоспитанность, порядочность, презрение к трусости, лжи... в отличие от хамства, нечистоплотности, лживости, убожества, бескультурья, ограниченности советских людей»². Язык советских людей вызывал шок у репатриантов. Один из них, приехавший в 1947 г., утверждал, что в противоположность Советскому Союзу в Харбине и даже в Шанхае мы говорили «исключительно на тургеневском языке». Другой вспоминал, что слышал, как богохульствуют подростки на целине, и думал, что это местный диалект. Ранее он никогда не слышал подобного³.

Хотя большинство интервьюируемых, когда им подсказывали, начинали доказывать, что они не испытывали враждебности по приезде, а мемуаристы вообще редко касаются этого сюжета, некоторые вспоминали о дискриминации и о том, что находились под подозрением⁴. Один репатриант, приехавший в Советский Союз в 1947 г. из Тяньцзина в возрасте 12 лет, вспоминал: в Перми «мы обнаружили, что находимся под подозрением как шпионы — даже дети... Соседи, они реагировали на нас так, будто мы с Марса. Мы будто с неба свалились, иные люди, другая одежда, другая обувь, другой менталитет, очень подозрительные». Ему пришлось в школе ровесникам объяснять, на что была похожа его жизнь в Китае. Когда он сказал, что там им было хорошо, его избили. Это ощущение

«Молодежь в СССР некультурная и грубая» (ГОГАПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 631. Л. 58). Другой репатриант, 1919 года рождения, работавший специалистом в екатеринбургском техникуме, заявлял в 1945 г.: «Разве это человеческое чувство?.. Жениться без всякой любви, народят детей, а потом уходят, женятся на другой, как скоты, как собаки» (цит. по: *Вертилецкая Е.В.* Репатрианты в Свердловской области в 1943 — начале 1950-х гг.: Дис... к.и.н. Екатеринбург. 2004. С. 166—170).

¹ *Огородников Б.* Харбинские воспоминания // НСМ. 1997. № 38. С. 6. В качестве примера, как другие мемуаристы описывают, как русские в Китае сохраняли дореволюционную культуру, см.: *Берзин П.П.* Добрынин, «1-е Харбинское Русское Реальное училище» // РА. 2004. 4 июля; *Кузнецов Н.* «РвК» — 5 лет. Предварительные итоги // РвК. 1999. № 18. С. 2.

² *Митина В.Г.* Мои университеты // На сопках Маньчжурии. 2000. № 79. С. 1—2.

³ Воспоминания Г.В. Хотовского цит. по: *Семенова Т.* Лук, обнимающий мясо // РвК. 2001. № 25. С. 5; *Мирандов А.И.* Встреча с родиной... С. 7. См. также: *Таут М.П.* Сбереженный русский язык? // РА. 2006. 26 июня. Следует заметить, однако, что некоторые из интервьюируемых, получивших образование в иностранных школах в вестернизированных китайских городах, вспоминали, что они говорили на плохом русском языке к моменту репатриации. См.: Adams papers: интервью с Л.В. Сидоркиным и с лицом, пожелавшим остаться неизвестным (8 июля 1997 г., Пермь).

⁴ Об отсутствии враждебности см.: Adams papers: интервью с Голденбергом, Пешковым, Л.М. Пентуковой (2 июля 1999 г., Хабаровск), анкета от Глеба Петера (30 сентября 1999 г.). О дискриминации см.: *Наделяева С.* Целина, 55 лет назад // НСМ. 2009. № 155. С. 6.

инаковости, неприспособленности осталось с ним на всю жизнь: «Я до сих пор чувствую, что я как белый кролик. Как будто я в чем-то необычен»¹.

Хотя вторая волна репатриантов приезжала в атмосфере чрезвычайной ксенофобии позднего сталинизма, ощущение того, что они выстояли, благодаря языку, одежде, манерам, культурности, превосходному образованию и бесстрашию, — повторяющаяся тема у большинства репатриантов, и они распространяли эту индивидуальную экстраординарность на самих себя как на группу². Отчасти это являлось защитной реакцией. Один харбинец в написанных в начале 1990-х гг. мемуарах расхваливал своих, но также критически упоминал, как они выглядели в советский период: «В нас свой „фасон“, какая-то особенная манера держаться, умение сделать хорошую мину в затруднительной ситуации, бесшабашно проститься с последними деньжонками, но не уронить своего „Я“. Харбинец — это звучит гордо по всему миру... нет! Нам не стыдно быть харбинцами!»³. Любому, кто спросит о его патриотизме, харбинец ответит, что, живя за границей, они стали величайшими из патриотов. Ни одному из тех, кто прожил всю жизнь на родине, не понять их патриотизма, писал один репатриант, вспоминая предвзятое мнение, что они натерпелись от рук других европейцев в Шанхае⁴. Они также приписывали свою экстраординарность в иных аспектах своим проведенным в эмиграции годам. Два репатрианта резюмировали следующие коллективные черты, присущие им, — высший профессионализм и ответственная рабочая этика, которые позволяли им быстро адаптироваться к совершенно новому окружению: «Опыт жизни в эмиграции — как это ни парадоксально звучит — где требовалась инициатива и упорство в борьбе за существование»⁵. Следовательно, проживание в капиталистической стране являлось лучшей подготовкой к жизни при коммунизме. Это понимание инаковости и гордость за нее ясно видны в воспоминаниях 2003 г. одного харбинца, который стал репатриантом в 1949 г. и был спустя год арестован: «Мы абсолютно не похожи на тех, кто живет здесь. Поэтому нас многие сразу узнают-о-о-о... Мы не те люди, не хапуги, не хамы»⁶.

Они ощущали себя иностранцами перед советскими русскими, а чувство близости испытывали к другим репатриантам из Китая, что поддерживало их

¹ Adams papers: интервью с Тымашевым.

² См., например: *Гуляева Е.Н.* Встречи с Н.П. Веселовским // РА. 2004. 21 ноября; *Маркизов Л.П.* До и после 1945. Сыктывкар, 2003. С. 135–136; *Инполитов В.А.* Воспоминания // НСМ. 2009. № 157. С. 4; Adams papers: интервью с Сидоркиным, Игошиной, Пешковым, Бородиным.

³ *Шелелов А.* Здравствуй, Харбин! // НСМ. 2000. №. 73. С. 4. См. также ответ А.Г. Штека: Харбинцы в Москве. Биографические очерки в двух выпусках. М., 1997. Вып. 1. С. 60; *Наделяева С.* Целина... С. 6.

⁴ *Никифоров И.* Путь на Родину... 1999. № 18. С. 10. Русские из ближнего зарубежья использовали тот же аргумент, подчеркивая, однако, воздействие жизни в приграничье (см.: *Pilkington H., Flynn M.* A Diaspora in Diaspora? Russian Returnees Confront the «Homeland» // *Diaspora* 23. 2006. No 2. P. 59–60).

⁵ *Таскина Е., Мухин И.* Полвека после репатриации: факты и немного статистики // НСМ. 2008. № 148. С. 5.

⁶ *Мисливец Н.И.* Белый лебедь на красном квадрате // РвК. 2003. № 38. С. 27.

в мысли о самих себе как об обладающих особым этническим своеобразием, составляющих особую этническую группу¹. В письме от редакторов, опубликованном в одном из первых выпусков газеты «На сопках Маньчжурии», заявлялось: «Тех русских, кто родился в Китае, связывают особые нити, которые нельзя объяснить лишь чувством землячества. Скорее эта связь обусловлена культурным наследием России наших отцов и дедов, сохранившимся в генах последующих поколений»². Репатриантка, оставившая Китай в трехлетнем возрасте, описывает себя как принадлежащую к диаспоре репатриантов в городе, в котором она живет³. В написанном в 2000 г. письме репатриант второй волны тщательно обдумывает то, насколько отличным он до сих пор ощущает себя от русских, проживших всю свою жизнь в Советском Союзе, и насколько это для него источник гордости: «Сейчас это Россия, но большинство людей вовсе не русские, они до сих пор в своих сердцах и умах глубоко советские. Откровенно говоря, я не могу расстаться с мыслью, хотя я понимаю, что это смешно, что настоящие русские были в Китае, эмигранты Белой армии. Я никогда не стыжусь своего прошлого. Я не из тех, кто строил советский режим. Мои родители были демократически настроенными и всегда были против тоталитаризма, и я воспитывался в этом духе. Мои родители решили вернуться, так как думали, что здесь после войны будет свобода. Они сильно заблуждались, но ничего нельзя было поделать... Много лет я был чужаком в этой стране. В действительности это меня не беспокоило. Теперь есть много тех, кто говорит то же, что говорил и я, но я не уверен, что они думают так же, как я»⁴.

Несмотря на тот факт, что опыт русских в Харбине и в вестернизированных городах Шанхае и Тяньцзине, не говоря уже о сельском Китае, сильно различался, это чувство принадлежности распространялось на всех русских из Китая, в том числе и на русских репатриантов каждой из трех волн репатриации. Представители этих трех волн и бывшие жители всех китайских провинций публикуются во всех своих газетах, причем это делают и те, кто не имел гражданства, и те, кто были советскими гражданами в Китае. Уровень солидарности разных волн репатриации надлежащим образом показан в мемуарах одного репатрианта самой ранней волны, писавшего о том, как счастлив он был, когда те родственники, друзья и просто земляки, которые приехали в СССР как часть «великого исхода на целину», прибыли в Иркутск, где его семья находилась в заключении и где они остались жить: «Мы с радостью почувствовали себя, словно в Монягоу или Ченхэ, а некоторые — как в Верх-Кули или Ханьдао-хецзы...»⁵.

¹ Советское государство использовало харбинцев как этническую категорию в 1938 г. (см.: *Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939.* Ithaca, 2001. P. 343).

² Письмо от редакторов // НСМ. 1994. № 5. С. 2.

³ *Мурзина А.С.* С последней надеждой // НСМ. 2009. № 156. С. 3.

⁴ Adams Archives. Box 1: Borodin to Bruce Adams, 18.10.2000.

⁵ *Чеусов В.В.* Неистовый фотограф нашего Харбина // РА. 2005. 15 августа. Моя находка противоречит заявлению одного современного исследователя о том, что репатрианты второй волны из Китая возмущались фактом, что репатрианты третьей волны не преследовались и что эти две группы соперничали друг с другом за мученичество (см.: *Лозлова А.* Русский взгляд в харбинское прошлое // Уроки истории. 2009. 12 октября).

Это чувство родства с русскими из Китая распространялось и на тех, кто не поехал в Советский Союз. В опубликованном в 1998 г. томе один репатриант писал: «Разделенные и рассеянные по всему разноликому миру, харбинцы остаются харбинцами»¹. С самого начала газеты репатриантов пытались установить связи с харбинцами за рубежом, многие из которых опасались писать, пока существовал Советский Союз². Хотя большинство статей и писем в газетах принадлежали перу русских из стран бывшего Советского Союза, некоторые написаны русскими из Китая, ныне живущими в других странах. Некоторые репатрианты навещают своих родственников, друзей, бывших одноклассников в этих странах после падения Советского Союза. Один репатриант описывал в 1997 г., как русские из Китая, которых он посетил в Сан-Франциско, поддерживают истинно русский стиль жизни, в том числе язык, веру и кухню³.

Подобно другим националистам, репатрианты хотят сохранить свою идентичность. Один репатриант сожалел в своих воспоминаниях, что их внуки становятся «просто русскими»⁴. Важность передачи идентичности потомкам зафиксирована в одном пункте плана общества в Екатеринбурге «Русские в Китае», выработанного в 2002 г.: заинтересовать детей и внуков в работе общества⁵. Как «нация», репатрианты имеют свои собственные праздники, которые они справляют⁶.

Их противоречивая национальная идентичность делает для репатриантов трудным определение того, что для них является родиной. Родина — своего рода ловушка для них, так как они обычно именуется русскими при определении места рождения. Хотя многие сохранили теплые, ностальгические воспоминания о Китае, даже Харбин никогда формально не был частью Российской империи⁷. Хотя русские были преобладающей группой иностранцев в Маньчжурии до начала японской оккупации, китайцы с 1920-х гг. оказывали всё более заметное влияние на городскую жизнь, развернувшееся в полную силу после войны⁸. В целом китайские репатрианты существенно отличались от «черноногих» или русских, родившихся вне Российской Федерации, в союзных республиках СССР. Последние считали место своего рождения настоящей родиной, верили, что им никогда не придется покинуть свое место жительства, их предки, как правило, добровольно переселялись с прежних мест проживания⁹. Репатрианты же росли в сознании, что Китай — их временное пристанище до тех пор, пока большевики

¹ В.Л. Русские-Китайцы (вокруг прошлого будущего) // Пристань на Сунгари. Харьков, 1998. С. 8.

² Дыхов Б. Обращение к бывшим жителям Шанхая // НСМ. 1994. № 14. С. 2.

³ Огородников Б. Харбинские воспоминания... С. 6.

⁴ Свистунов А. Миссия зерна // НСМ. 1995. № 24–25. С. 1.

⁵ См.: План // РвК. 2002. № 31. С. 1–3.

⁶ См.: Таскина Е. Календарь памятных дат «Русского Харбина» // НСМ. 2003. № 105. С. 6.

⁷ Пример идиллических воспоминаний о детстве, проведенном в китайском селе, практически заселенном китайцами, см. Антонова-Нешина Т. Наша станция Лидахэвцы // НСМ. 2009. № 158. С. 5.

⁸ Carter J. H. Creating a Chinese Harbin: Nationalism in an International City, 1916–1932. Ithaca, 2002.

⁹ Safran W. Comparing Diasporas: A Review Essay // Diaspora 8 (1999). No 3. P. 300; Pilkington H., Flynn M.. Op. cit. P. 63.

не будут свергнуты. Многие их родители не были добровольными мигрантами. Но, с другой стороны, они всё же были изгнаны с родины главным образом представителями своей собственной национальности.

Репатрианты использовали слово «родина» по-разному. Иногда даже один репатриант употреблял его в разных смыслах. Они редко прибегали к выражению «историческая родина», хотя иногда это представлялось самым логичным выбором при упоминании ими России. Когда они всё же использовали выражение «историческая родина», то при этом употребляли также выражение «малая родина» (отсылка на Китай) и взаимозаменяемо с четко определенным «родина» (Россия)¹. При использовании советского выражения «малая родина» они не прибегали к выражению «большая родина». Но, как выше уже было показано, поскольку «малая родина» могла соотноситься со специфической территорией, где они родились и выросли, как противопоставление своей стране, особенно когда речь шла о детстве в противоположность теперешней взрослости, кажется, они совмещают Китай и Россию, к которой они испытывают смешанное чувство принадлежности². В одном случае репатриант упоминает Китай как «вторую малую родину»³. Очевидно, что, поскольку они испытали на себе ссылку в большей мере, чем миграцию, эта гибридность не кажущаяся. Комплекс вызываемых Китаем чувств очевиден в нарративе другого репатрианта, который называет Харбин «далеким», «чужим», но «близким» и «родным» в одном и том же предложении⁴.

Для некоторых репатриантов идея двух родин, по происхождению и родовой, неприемлема, и они ссылаются на Советский Союз, или постсоветскую Россию, или на Китай как на свою родину. Женщина из старожильской семьи, родившаяся в Харбине в 1930-х гг., в письме, написанном в 1999 г., утверждает, что она никогда не сожалела о возвращении в СССР в 1954 г., так как «Родина для человека очень много значит»⁵. Другая женщина, вернувшаяся в 1958 г. в родную для ее матери Калугу (семья матери принадлежала к благородным помещикам), полностью отрицает утверждение, что Китай мог быть родиной русских: «„Где родился, там и пригодился“ ...для нас, прирожденных харбинцев, эта поговорка не подходит. Харбин не мог стать Родиной. Каждый из нас искал себе свое место на земле. Мне повезло: я в России, в городе, где похоронен мамин отец...»⁶. Она имела представление о «малой родине» на территории России, привязанное к определенной местности. Таким же образом рассуждали и другие репатрианты, идентифицировавшие как свою родину села и города в Китае⁷. Когда место в Китае называется родиной репатрианта, это всегда место его рождения.

¹ См.: *Мирандов А.И.* Встреча с родиной... С. 6–7; *Добрынин П.П.* Нас было шестеро // РА. 2004. 27 июля.

² Об использовании выражения «малая родина» см.: *Шелелов А.* Здравствуй, Харбин!.. С. 4, 5.

³ *Анищенко И.К.* Наша пасека // НСМ. 2009. № 159. С. 6.

⁴ *Лалетина Н.* Мой Харбин // НСМ. 1998. № 53. С. 4.

⁵ Adams Papers: M.P. Moscalenko to Bruce Adams, 8.12.1999.

⁶ *Пищикова Т.В.* [автобиография] // Харбинцы в Москве. Биографические очерки в двух выпусках. М., 1997. Вып. 1. С. 24.

⁷ См.: *Софронова Н.М.* Мой Найджин-Булак // НСМ. 1998. №. 51. С. 3; *Митина В.Г.* Мои университеты... С. 1.

При ссылке на самих себя как группу русских из Китая они почти всегда называют себя «русские китайцы»¹. Ярлык «китаец», который им часто навешивали местные русские, кажется, не расстраивал репатриантов, хотя они и считали себя более русскими (что фиксировало их связь с дореволюционной Россией), чем те, кто их так называл². Напротив, они воспринимали это как способ, позволяющий им отличать самих себя от остальных русских, сохраняя «русский» как часть их сложной китайской идентичности. В то время как русские, вернувшиеся из ближнего зарубежья в 1990-е гг., подчеркивали свою связь с коренным населением бывших республик, где они проживали, и противопоставляли положительные особенности этого населения характерным чертам местных русских, репатрианты сохраняли в своих повествованиях дистанцию (хотя и уважительную) между собой и китайцами³. Они считали, что отличаются как от китайцев, так и от русских, никогда не живших в Китае.

С тех пор как они стали ощущать себя как этническое меньшинство в советской и постсоветской России, они стали демонстрировать единство с другими этническими меньшинствами в России, с которыми они часто жили на целине или в ГУЛАГе. Одна из интервьюируемых описала, какое облегчение она испытывала, открыто говоря о союзе со ссыльными из Прибалтики, в то время как она мало рассказывала, когда местные русские расспрашивали ее о Китае и совершенно избегала разговоров с ними на политические темы⁴. В своей автобиографии другой репатриант вспоминает о дружбе в ГУЛАГе с кавказцем, сказавшем ему: «Мы с тобой социализм не знали, наши земляки, те, что сейчас в лагере, тоже не знали. А скажи, почему все они работают честно, добросовестно, умирают от работы? А здешние, советские, нам говорят: от работы кони дохнут... Мы этого не понимаем... Видишь, психология у советских людей другая»⁵. Поддержание контактов с национальными меньшинствами было еще одним способом дистанцироваться от советских русских.

Очевидно, что их близость с советскими национальными меньшинствами была одной из причин, почему репатрианты заключали в себе больше черт мультиэтнической истории Харбина, нежели русские эмигранты из Китая, которые остались за границей. Тогда как эмигрантские газеты харбинцев пренебрегали харбинскими меньшинствами из Российской империи, в первом номере одной из репатриантских газет заявлялось, что одной из ее целей является рассказ

¹ Большинство русских из Китая называют себя по названию того города в Китае, в котором они жили, т. е. харбинцы, шанхайцы, тяньцзинцы. Они осознали и свою принадлежность к более широкой общности, для определения которой использовался термин «русские китайцы». См.: Гордиенко Ю. Репортаж с встреч земляков // РвК. 1999. № 17. С. 10.

² Относительно обозначения харбинских русских как «китайцев» см.: Adams Papers: интервью с Пешковым и Borodin to Adams (7.16.1999).

³ Pilkington H. Migration, Displacement and Identity in Post-Soviet Russia. London, 1998. P. 165. По сути, китайцы как таковые часто отсутствуют на страницах мемуаров о Китае. Относительно вдохновенных описаний китайцев как трудолюбивых и добрых см.: Камков А. Снился мне город. Хабаровск, 2007. С. 15–251.

⁴ Adams Papers: интервью с Клепиковой.

⁵ Краснопецев Ю. Реквием разлученным и павшим... С. 179–180, 200.

о россиянах и обо всех разных народах, проживающих в Маньчжурии¹. Русский репатриант замечал в своих воспоминаниях, что Харбин не Харбин не только без русских и китайцев, но и без греков, евреев, татар, украинцев, корейцев, грузин и японцев².

Обычный раздел в конце биографий и некрологов, публиковавшихся в газетах репатриантов, перечисляет советские медали, которыми были награждены эти люди³. Хотя некоторые репатрианты имели профессиональный успех в основном в своей юности в Китае, до репатриации, они не упоминали о своих достижениях китайского периода жизни в этих разделах, даже если об этом говорилось в начале биографии. Хотя перечень медалей, заслуженных в Советском Союзе, может быть расценен как их желание представить самих себя как своего рода идеальных советских граждан, этому можно найти и другое объяснение. Как заявляли лидеры эмиграции в Париже в 1920-е гг., у «России за рубежом» имелось три миссии, привитые в сердца эмигрантов эмигрантской прессой и всеми эмигрантскими институтами. Эти миссии включали: приобретение молодежью специализированного высшего образования за границей, с тем чтобы они были способны восстановить Россию, когда им однажды доведется вернуться; сохранение дореволюционной культуры и культивирование свободной от большевиков русской культуры, которая при благоприятных обстоятельствах могла быть принесена на родину; распространение русской культуры за границей среди иностранцев⁴. Профессиональные успехи репатриантов в СССР, особенно в профессиях, для которых они только и подходили, таких как обучение иностранным языкам, востоковедение и инженерное дело, требовавших близкого знакомства с западными технологиями, являлись достижением первой из этих целей⁵. Вторая и третья цели также были достигнуты.

Как мы видели, русские репатрианты из Китая воспринимали себя носителями культуры дореволюционной России и тем самым выполняли вторую миссию «России за рубежом». Даруя эту культуру советской России, они выполняли третью цель: цивилизаторскую или колонизаторскую миссию. Поскольку репатрианты считали самих себя как отличную от других русских национальность, то другие русские могли рассматриваться как иностранцы, требующие русификации. Репатрианты, продолжая борьбу своих родителей за восстановление имперской

¹ Каким я вижу вестник «На сопках Маньчжурии» // НСМ. 1993. № 9. С. 1. Газеты эмигрантов-харбинцев издавались в форме бюллетеней выпускников тех или иных учебных заведений. К числу таких бюллетеней относился «Политехник» (Сидней, 1969–1992) и «Харбинское коммерческое училище» (Сан-Франциско, 1956–1974). См. также: *Авенариус С.* Немного о Харбине // Политехник. 1971. № 3. С. 20–26.

² *Ливитский В.В.* Пристань на Сунгари. Харьков, 1998. Ч. 2. С. 148–151.

³ См.: *Добрынин.* Селена Григорьевна Зайнитдинова // НСМ. 2009. № 156. С. 7–8; *Маркизов Л.П.* Указ. соч. С. 194–195.

⁴ *Бунаков И.* Что делать русской эмиграции? // Что делать русской эмиграции. Париж, 1930. С. 3; *Гунпиус З.Н.* Наше прямое дело // Там же. С. 14; *о. В. Гурьев.* Обращение к русскому юношеству // Хлеб небесный. Харбин, 1940 №. 1. С. 43; *И.З. Финал* // Северянин. 1940. Апрель; *Raeff M.* Russia Abroad. Oxford, 1990.

⁵ О количественном и качественном вкладе репатриантов из Китая в советские профессии см.: *Таскина Е., Мухин И.* Полвека после репатриации... С. 1–5.

России в «России за рубежом», пытались постепенно вернуть имперскую Россию и в саму Россию.

Самый заметный аспект дореволюционной культуры, который репатрианты могли восстановить в России,— русская православная церковь и обычаи. Один из репатриантов процитировал в газете «На сопках Маньчжурии» в 1995 г. мысль из книги о миссии российской эмиграции: принести православие в те регионы мира, где его никогда не было. При этом он заявлял, что те, кто вернулся в Россию, несут православие в «возрожденную Россию», «и это будет наш плод после нас»¹. Православное религиозное оживление, охватившее Россию в начале 1990-х гг., не произвело на них заметного впечатления; один из них в 1994 г. писал, что православие в постсоветской России отличалось слабой духовностью, для него были характерны невежество и суеверие². Они сохранили право учить других русских православным традициям. Однако они чувствовали, что другие русские не всегда к ним прислушиваются, и это их раздражало. Одна репатриантка, например, в 2004 г. выражала сожаление о том, что она неоднократно пыталась объяснить, как следует хоронить по православному обычаю. Никто не верил ей, что погребение можно проводить без алкогольных напитков, как это всегда делалось в Китае³.

Репатрианты также помнили о культурно-цивилизаторской миссии в отношении других русских. Один из интервьюируемых вспоминал, что его тетка работала преподавателем английского языка в пермском техникуме. Учащиеся восхищались ею и говорили: «Вы учите нас не только английскому, вы учите нас культуре, как вести себя, как одеваться»⁴. Другая женщина, приехавшая в СССР еще подростком в 1935 г., была заключена в тюрьму, а после освобождения проживала в маленьком городке в Свердловской области. Она и ее супруг, тоже харбинец, собрали большую библиотеку из книг по искусству и альбомов репродукций картин, вырезанных из журналов. Они читали лекции в школе и в больнице, где оба работали. Они также привили свою любовь к классической музыке жителям городка, проводили концерты у себя дома, устраивали выставки. Женщина верила, что тем самым способствует культурному развитию своего городка⁵. В этом случае сходство между тем, как репатрианты определяли дореволюционную русскую культуру, которую привил им Харбин, и выразительностью высокой культуры в советской цивилизаторской миссии делает воссоздание имперской России в Советском Союзе репатриантами синонимичным с советским проектом⁶.

Этот сплав дореволюционной интеллигенции и советских идеалов ярко проиллюстрирован в деле уже упоминавшейся учительницы, которой бывшие ученики подарили телевизор. Ее сын рассказывал, что она родилась в крестьянской

¹ Свистунов А. Миссия зерна. С. 1, 3.

² Харбин великопостный // НСМ. 1994. № 6. С. 1.

³ Таут М.П. Доктор Голубев с близкого расстояния // РА. 2004. 8 июля.

⁴ Adams papers: интервью с Тымашевым.

⁵ Митина В.Г. Мои университеты. С 3.

⁶ Относительной важности понятия «культурность» в рамках советского проекта см.: Hoffman D. L. Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1945. Ithaca, 2003.

семье в Симбирске в 1907 г. и переехала в Харбин вместе с семьей в 1916 г., когда ее отец получил работу на железной дороге. Она рано овдовела, видела, как ее сына арестовывают и увозят в СССР в 1945 г. Будучи учительницей, она приняла предложение советских властей стать директором высшей советской школы в Харбине. По политическим взглядам она была евразийкой и сменовеховкой, но тем не менее приняла советскую идеологию, хотя и с трудом. Ее сын подчеркивал, что мать не знала всей полноты трагедии советского эксперимента, но ее привлекала социальная защита, которую советская власть предлагала народу, и она признала преемственность между своими дореволюционными аскетическими ценностями («полная отдача себя обществу»), идеализмом и морализмом и советским проектом. Но когда она приехала на целину, она готова была покончить собой, а ее сын заявил, что если она будет арестована, она не выживет в ГУЛАГе в силу своего идеализма и морализма¹. Большинство репатриантов — кто в действительности не принял советской идеологии — были лучше приспособлены, чтобы пережить советские репрессии.

В воспоминаниях, которые представитель второй волны репатриации, избежавший ареста капитан военно-морского флота попытался опубликовать в советской газете в 1978 г., указывалось, что репатрианты из Китая могли бы сыграть роль инсайдеров и аутсайдеров в советском обществе: «Среди молодых людей, приехавших из Китая, академиков еще нет, но уже есть доктора и кандидаты наук, есть писатели, художники, композиторы, артисты, специалисты промышленности, лингвисты, врачи, педагоги и т. д. Все они, вкусив когда-то горькую чашу ломки своей молодой жизни, стали полезными, ценными гражданами социалистической Родины, а главное — все они идейно преданные. Они обрели свою Родину, они удовлетворили чувство патриотизма... Они способны критиковать, ибо они знают обе стороны существующих в мире общественных систем и зачастую видят то, чего не видят коренные граждане страны»². Несмотря на то что в СССР власти не позволили репатриантам официально сыграть ту роль, которую сумели сыграть в других странах группы этнических мигрантов-возвращенцев, репатрианты верят, что они всё же принесли пользу своей исторической родине.

Подобно многим другим этническим мигрантам-возвращенцам, репатрианты развивали новую идентичность, основанную не на общем происхождении, а на культурных различиях и отдельном опыте³. Русские в Китае жили отдельно от других русских относительно краткий период времени, но в отличие от многих других мигрантов поддерживали свое культурное наследие и язык. Но катастрофические перемены, которые произошли после того, как они покинули Россию, сделали это бессмысленным. Веря, что они служат своей исторической родине, репатрианты описывали самих себя как стремящихся навести мост, чтобы заделать

¹ Кузнецов Н. Воспоминания о маме // РвК. 2000. № 20. С. 13–15.

² Никифоров И. Путь на родину // РвК. 2000. № 21. С. 16. По словам его сына, газета «Советская Россия» не отказала в публикации, но редакторы потребовали, чтобы воспоминания были отредактированы. Автор скончался до того, как смог выполнить это требование.

³ Takeyuki Ts. Introduction.... P. 7, 11, 16.

культурный пролом, которому они противостояли. Подобно дореволюционной русской интеллигенции они хотели служить русскому народу и вести его.

Проживая в Китае, репатрианты стремились представить себя как некую альтернативу западноевропейцам, американцам и аборигенам. Несмотря на этот свой богатый опыт, формирование самих себя как противостоящих местным русским оказалось более сложным. Формирование себя как противоположности по отношению к «ближайшим другим» гораздо труднее, болезненнее и разрушительнее, чем в отношении группы, воспринимаемой исключительно как иностранцы. Подобно дореволюционной интеллигенции России, репатрианты были склонны виниться перед народом за свой более высокий уровень жизни в Китае и за свое неучастие в Великой Отечественной войне. За исключением религии, цивилизационная миссия репатриантов, основанная на дореволюционных ценностях интеллигенции, не была драматически иной, чем советский проект. Но автобиографии репатриантов также подтверждают, что коллективная личность без поддержки государства и без интеллектуальной элиты, способной вести их, смогла формироваться даже после полувекового диктата государственной цензуры.

Перевод с английского А.И. Рупасова